

Воинствующая некомпетентность

М. И. Фролов, А. И. Бурлаков

Ленинградская эпопея вошла в историю как явление уникальное и давно привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. За минувшее десятилетие героическим защитникам Невской твердыни, блокаде Ленинграда посвящено множество научных исследований, обширные историко-документальные публикации, воспоминания современников — свидетельства людей, переживших блокаду. Оборона Ленинграда отражена в публицистике, повестях и рассказах. Однако история битвы за Ленинград является поистине неисчерпаемой темой. Она настолько разнообразна, многогранна, масштабна и многопланова, что многие ее стороны, сюжеты остаются белыми пятнами. До настоящего времени нет полной и ясной картины пережитого участниками этих грандиозных по трагичности и подвигу событий.

Отсюда огромный интерес к публикациям, дополняющим одну из самых героических и трагических страниц не только Великой Отечественной и Второй мировой войны, но и всей мировой истории. Безусловно, если эти работы основываются на новых архивных документах, не обнаруженных еще воспоминаниях людей, переживших страшное время голодно-холодной блокады, на осмыслении исследований зарубежных историков, особенно не переведенных еще на русский язык.

В № 5 журнала «История Петербурга» за 2002 год опубликована статья В. И. Носикова «...Была ли необходимой продолжительность блокады в 900 дней», в которой, как пишет автор, высказываются «обобщающие соображения, касающиеся основных этапов Ленинградской блокады...»¹.

К сожалению, статья написана лишь на основе опубликованных ранее мемуаров наших крупных военачальников, к тому же односторонне проанализированных. Это не могло уберечь автора от ряда ошибочных утверждений, а главное — от совершенно необоснованного, научно не аргументированного вывода о том, что «кому-то из высшего руководства

страны хотелось продлить полную блокаду Ленинграда»², а точнее, как следует из всего содержания статьи, И. В. Сталину.

Подчеркнем, автор справедливо замечает, что «для абсолютной достоверности» предположений и выводов, сделанных в статье, «требуются более глубокие труды ученых-историков, социологов и публицистов по этой теме на основе не только мемуарных материалов, но и архивных документов того времени»³.

Возникает вопрос, а почему же В. И. Носиков не использовал документы, хранящиеся в архивах нашего города, а также ни одной из работ историков, посвященных этой проблеме, изданных в 90-е годы⁴, многочисленные статьи, опубликованные в сборниках и материалах международных, российских и межрегиональных конференций, прошедших в Санкт-Петербурге в последние годы? Мы видим два возможных ответа на этот вопрос: либо это произошло по некомпетентности, либо сознательно, так как выводы автора, предположения, а нередко и просто домыслы не подтверждаются архивными материалами, исследованиями известных ученых.

Рассмотрим подробнее так называемые аргументы и выводы В. И. Носикова.

Во-первых, тезис о том, что «якобы столь длительная блокада в течение 2,5 лет была необходима для отвлечения сил противника в качестве «вклада» в общую победу над врагом...»⁵, выдуман автором. Никто из ученых-историков в таком контексте блокаду не представлял. Блокада города на Неве не являлась необходимостью. Она явилась суровой военной реальностью, следствием крайне неудачного для СССР начала войны, крупных поражений Красной армии в первые месяцы войны. Несомненно, военно-политическое руководство СССР и лично И. В. Сталин виноваты в том, что, готовя страну к отпору агрессора, они в своих прогнозах не учитывали возможность блокады Ленинграда. Угроза Ленинграду с юго-запада командованием Ленинградского

военного округа в расчет не принималась. Оно исходило из соображений, что с этого направления Ленинград надежно прикрыт войсками Прибалтийского военного округа. Все предвоенные командующие войсками округа не брали в расчет ситуацию, при которой противник мог пройти от Восточной Пруссии более 750 км и подойти к городу с юго-запада. Пожалуй, единственный, кто пытался кое-что предусмотреть, был П. Е. Дыбенко, командовавший округом в 1937—1938 годах. В то время проводились даже специальные учения. Но в целом в округе не проводились сколько-нибудь значительные оборонительные мероприятия для защиты Ленинграда с юго-запада. Да, это ошибка, это просчет советского командования, но не злой умысел, как пытается убедить читателя автор статьи.

Необходимостью была не блокада, а оборона Ленинграда. Ибо, взяв Ленинград, немцы неизбежно овладели Балтийским флотом и получили возможность беспрепятственно использовать морские коммуникации со скандинавскими странами.

Результатом сдачи Ленинграда явилось бы объединение войск вермахта с финской армией. Эти объединенные силы получали бы возможность вырваться на оперативный простор в районе Ладожского озера. Такой прорыв в направлении Вологды и далее мог привести к нарушению железнодорожной связи между Мурманском и страной и к блокировке перевозок из Архангельска и Мурманска.

С падением Ленинграда немецкие войска получили бы беспрепятственный выход на просторы севера страны, и они были бы брошены на Москву с севера, что изменило бы всю стратегическую обстановку на советско-германском фронте. Нелишне привести оценку складывавшегося положения, данную Г. К. Жуковым. «Для нас потеря Ленинграда во всех отношениях, — писал он, — была бы серьезным осложнением стратегической обстановки. В случае захвата города врагом и соединения здесь германских и финских войск

нам пришлось бы создать новый фронт, чтобы оборонять Москву с севера, и израсходовать при этом стратегические резервы, которые готовила ставка для защиты столицы»⁶.

Наконец, германское командование преследовало не только военные и экономические цели. Гитлер разъяснял генералам, что со взятием Ленинграда «дух славянского народа в результате тяжелого воздействия боев будет серьезно подорван, а с падением Ленинграда может наступить катастрофа»⁷.

Таким образом, Ленинград являлся первоочередным важнейшим объектом на направлении главного стратегического удара немецко-фашистской армии. От устойчивости его обороны в значительной мере зависели ход войны и возможность нашей победы над врагом.

Это хорошо понимало советское руководство. Только за первые 10 недель войны Ленинград и область послали в армию и на фронт 659 020 человек рядового и сержантского состава⁸. За короткий срок была сформирована армия народного ополчения, численность которой достигала 160 000 человек. Сотни тысяч ленинградцев вышли на строительство оборонительных сооружений. Несмотря на крайне ограниченные тогда возможности, Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) выделила из своего резерва и направила в июле–августе 1941 года на защиту Ленинграда 265, 268, 272 и 291-ю стрелковые дивизии⁹.

Ставка ВГК внимательно следила за ходом боевых действий на Ленинградском направлении. В августе, после падения Новгорода, И. В. Сталин и Б. М. Шапошников выразили большую озабоченность положением на этом направлении. Они предупредили К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова, что «если немцы будут иметь успех в этом направлении, то это будет означать обход Ленинграда с востока, перерыв связи между Ленинградом и Москвой и критическое положение Северного и Северо-Западного фронтов».

25 августа группа армий «Север» прорвала оборону наших войск в районе Чудова и стала развивать наступление главными силами вдоль дороги Чудово–Любань и частью сил на Кириши. Это вызвало бурную реакцию И. В. Сталина. 29 августа он запрашивает В. М. Молотова и Г. М. Маленкова, находившихся тогда в Ле-

нинграде: «Только что сообщили, что Тосно взято противником. Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо... Что делают Попов и Ворошилов? Я пишу об этом, так как очень встревожен непонятным для меня бездействием ленинградского командования»¹⁰. Чуть позже было принято решение послать на Ленинградский фронт Г. К. Жукова, наделив его самыми широкими полномочиями. Таккова истина о подлинных целях И. В. Сталина, СВГК в отношении защиты Ленинграда»¹¹.

Как ни странно, но даже направление Г. К. Жукова в Ленинград В. И. Носиков использует для недобросовестных домыслов. Мы читаем: «Сталин преследовал две безошибочные для него цели: если Жуков не сможет организовать в этих условиях оборону города и его придется сдать, то всю вину можно возложить на Жукова и тем самым охладить его “заносчивость” (?!), а все ленинградцы в будущем получат клеймо “бывшие в оккупации”, что лишит их активности; если же оборона города все же будет организована, то в неподготовленном городе блокада истребит коренное население Ленинграда...» (С. 89).

Что касается направления Г. К. Жукова в Ленинград, то мы признаемся, что, несмотря на многолетние изучения отечественной и зарубежной литературы о битве за Ленинград, блокаде города, нигде не встречали подобных утверждений. Более того, все известные исследователи Ленинградской эпопеи отмечают исключительно правильное решение о направлении Жукова в Ленинград, что в значительной степени обеспечило несдачу города. Не хотелось бы, но ведь можно продолжить логику подобных извращений истины и заявлять, что Сталин и под Москву вызвал Жукова с подобными намерениями.

Что касается утверждения о желании уничтожить ленинградцев в блокаде, то можно со всей ответственностью заявить, что подобной чудовищной клеветы на Советское руководство нет ни в одних из мемуаров Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. А. Мерецкова, С. М. Штеменко и других, на которые ссылается в своей статье В. И. Носиков. Добавим от себя: и не могло быть, ибо оно от начала до конца надуманно.

Во-вторых, автор утверждает, что и руководители страны как будто не думали о дальнейшем существовании

населения города или не собирались его защищать (с. 85). При этом он ссылается на отмеченный в мемуарах Г. К. Жукова факт обсуждения подобного вопроса на военном совете под руководством Жданова и Ворошилова 10 сентября 1941 года. Прежде всего отметим, что Жуков писал, что на том заседании совета рассматривались меры, которые следовало провести в случае невозможности (подчеркнуто нами) удержать город¹². Каждому ясно: намерение не защищать и невозможность удержать город – совершенно разные понятия. Последнее связано с тем, что нужно предпринять, если противнику все же удастся прорваться в город. К тому же, и это главное, Носиков обрывает воспоминания Жукова на самом главном месте. Г. К. Жуков далее пишет: «Всю ночь с 10 на 11 сентября мы обсуждали с А. А. Ждановым, А. А. Кузнецовым, адмиралом И. С. Исаковым, начальником штаба и некоторыми командующими родов войск фронта обстановку и дополнительные меры по обороне (выделено нами. – Авт.) Ленинграда»¹³. И эти меры, довольно подробно изложенные в воспоминаниях Жукова, привели в конечном итоге к срыву планов германского командования овладеть Ленинградом.

Носиков приводит и другой аргумент: о возможном намерении сдать город свидетельствовало то, что ни «перед войной, ни в первые 2,5 месяца войны не предпринималось действенных мер по увеличению запасов продовольствия и топлива в городе» (с. 85).

Действительно, до войны Ленинград являлся своеобразной перевалочной продовольственной базой. Ежедневно в город возилось множество продовольственного сырья и вывозились готовые пищевые изделия. Сколько-нибудь значительных запасов на складах не имелось. Ленинград, как говорится, снабжался с «колес». На 22 июня 1941 года запасы на ленинградских базах составляли: муки и зерна на 52 дня, круп на 89 дней, мяса на 38 дней, масла животного на 47 дней, масла растительного на 29 дней¹⁴. Это были обычные нормы текущего запаса. В мирное время они постоянно пополнялись подвозом продовольствия. В обстановке начавшейся войны эта задача осложнилась. Тем не менее утверждение Носикова, что в первые 2,5 месяца войны не предпринималось действенных мер по увеличению запасов продовольствия (с. 85), не отвечает дей-

ствительности. За июль и август в Ленинград было завезено из Ярославской и Калининской областей, латвийских и эстонских портов 66 922 тонны зерна, 15 397 тонн муки и 3000 тонн крупы. Много ли это? Потребность города в муке составляла 1000 тонн в сутки. Больше город принять не мог из-за отсутствия складских помещений. И в дальнейшем предпринимались экстренные меры для пополнения запасов продовольствия. 30 августа 1941 года ГКО принял постановление №-604 «О транспортировке грузов для Ленинграда». Оно положило начало мероприятиям по созданию Дороги жизни. К сожалению, в ноябре 1941 года – феврале 1942 года эти меры не смогли кардинально изменить сложившееся положение, но они никак не свидетельствуют о намерении Сталина уморить ленинградцев голодом.

В-третьих, автор статьи утверждает, что в течение первых полгода Ставка ничего не сделала для освобождения Ленинграда от блокады. И даже после победы под Москвой на Ленинградский фронт не было выделено ни одной армии: «Вопрос о снятии блокады Ленинграда в зимнюю наступательную кампанию 1941 года в планах Ставки не предусматривался... невольно возникает предположение, что подобная блокада Ленинграда была нужна кому-то из руководства страны» (с. 85). В этих утверждениях что ни слово, то неправда, что ни предложение, то яркое свидетельство либо некомпетентности, либо злого умысла.

К сведению В. И. Носикова, заметим, что первая попытка деблокировать Ленинград была предпринята в период с 10 (на второй день начала блокады) по 25 сентября 1941 года. С этой целью ставка перебросила в район Волхова сформированную в августе – сентябре 1941 года на базе Московского военного округа 54-ю армию в составе четырех стрелковых дивизий, кавалерийской дивизии, танковой бригады, отдельного танкового батальона, ряда артиллерийских, авиационных и других частей. Замысел Ставки состоял в том, чтобы встречными ударами 54-й армии с востока и соединений Ленинградского фронта с запада прорвать блокадное кольцо в районе Шлиссельбурга – Синявинского выступа. Ставка предполагала, что в условиях, когда основные силы группы армий «Север» предпринимали штурм Ленинграда с юга и юго-запада, а соединения не-

мецко-фашистских войск, замкнувших кольцо блокады, не успели создать разветвленную систему обороны, этих сил будет достаточно для деблокады города. К сожалению, в условиях продолжавшегося штурма города Г. К. Жуков смог выделить для встречного удара только одну стрелковую дивизию и бригаду морской пехоты. Из-за недостатка сил советские войска не смогли выполнить задачу по деблокаде Ленинграда. Отрицательно сказалась на результатах операции и нерешительность в действиях командующего 54-й армией Г. И. Кулика. Больших сил для деблокады города Ставка в то время не имела, так как в тот период проходили кровопролитнейшее Смоленское сражение (10 июля – 10 сентября 1941 года) и Киевская оборонительная операция (7 июля – 26 сентября 1941 года).

Несмотря на это, 20 октября 1941 года, в разгар оборонительного сражения за Москву, по указанию Ставки была предпринята вторая попытка деблокады Ленинграда. Замысел ставки был таков: ударом 54-й армии с востока и Невской оперативной группы и 55-й армии с запада в общем направлении на Синявино окружить и уничтожить шлиссельбургско-синявинскую группировку противника. Для решения этой задачи предполагалось привлечь до восьми стрелковых дивизий, не меньше 100 танков КВ, основную массу крупнокалиберной артиллерии, всю реактивную артиллерию, всю бомбардировочную и штурмовую авиацию фронта, а также необходимое количество самолетов Краснознаменного Балтийского флота¹⁵. Однако осуществить это наступление не удалось, так как немецкие войска упредили войска Ленинградского фронта, перейдя в наступление на тихвинском направлении. Обстановка резко изменилась.

Ставка была вынуждена задействовать все силы, выделенные для деблокады, на проведение Тихвинской оборонительной (16 октября – 18 ноября 1941 года), а затем и наступательной (10 ноября – 30 декабря 1941 года) операций. Для их проведения Ставка выделила из своего резерва три и из резерва Северо-Западного фронта одну стрелковые дивизии и новгородскую армейскую группу. В результате этих операций советские войска сорвали вражеский план создания второго кольца окружения Ленинграда, соединения немецких и финских войск на рубеже реки Свири, освободили от не-

мецко-фашистских захватчиков значительную территорию Ленинградской области, обеспечили восстановление сквозного движения железнодорожного транспорта до станции Войбокало. А это имело решающее значение для создания и функционирования фронтовой коммуникации (Дороги жизни) с пропускной способностью 2000 тонн в сутки, что позволило в 1942 году дважды, 24 января и 11 февраля, повысить нормы выдачи продуктов ленинградцам. И зря Носиков с некоторой иронией пишет о значении Дороги жизни, обозначая ее название с маленькой буквы.

По нашему мнению, значение Тихвинской оборонительной и наступательной операций еще полностью не оценено. Речь шла, по существу, о жизни и смерти ленинградцев. В ноябре 1941 года Ленинград стоял на грани продовольственной катастрофы. Общая калорийность пищи блокадников с 20 ноября упала до 707 калорий в сутки¹⁶. При получении 1300 калорий средняя продолжительность жизни взрослого человека составляет около месяца. Получается, что в течение месяца население города было обречено на поголовное вымирание. Это рассчитал и немецкий профессор Цигельмайер, руководивший Мюнхенским пищевым институтом, а во время войны – заместитель интенданта германской армии. Как раз это имел в виду Геббельс, когда записал в своем дневнике 10 сентября 1941 года: «Мы и в дальнейшем не будем утруждать себя требованиями капитуляции Ленинграда. Он должен быть уничтожен почти научно обоснованным методом». Господин Носиков, какая идеальная возможность представлялась Сталину уморить, по вашей версии, всех ленинградцев голодом. А Ставка ВГК бросила на срыв плана немцев полностью изолировать Ленинград 20 дивизий и четыре бригады. Напомним, что это было время самых напряженных боев за столицу нашей Родины.

Эти факты истории битвы за Ленинград, о которых автор статьи умалчивает, свидетельствуют о необоснованности его домыслов о том, что снятие блокады Ленинграда не входило в планы Ставки.

Об этом свидетельствуют и факты подготовки и замысла Любанской операции, которую автор оценивает с «завидной» некомпетентностью. Эта операция готовилась с учетом успехов контрнаступления под Москвой и Тихвинской наступательной опера-

ции. Целью ее было не взятие станции Любань, как утверждает и исхода из этого оценивает действия Ставки автор. Замысел операции был определен в директиве Ставки от 17 декабря 1941 года. Он состоял в следующем: 2-я ударная армия, 59, 54-я и 4-я армии Волховского фронта с рубежа реки Волхов, 52-я армия Ленфронта из района Погостья наступали в общем направлении на Любань с целью **окружения и уничтожения любанской группировки войск противника**.

В этом состояла ближайшая задача операции. Конечная же цель заключалась в том, чтобы выйти в тыл немецко-фашистских войск, блокировавших Ленинград, окружить, пленить и истребить войска группы армий «Север». Другими словами, замысел операции предусматривал полную ликвидацию блокады Ленинграда зимой 1942 года.

Таким образом, вывод Носикова о том, что в планах Ставки ВГК вопрос о снятии блокады Ленинграда зимой 1942 года не предусматривался, не соответствует исторической правде. Именно зимой 1942 года, в период с 7 января по 30 апреля, была предпринята одна из самых мощных попыток деблокады Ленинграда. Она осуществлялась не «измотанными силами Волховского фронта», как утверждает автор. Волховский фронт был создан 17 декабря 1941 года в связи с подготовкой этой операции. В его состав были включены четыре армии из левого крыла Ленинградского фронта и две **из резерва Ставки**. В их числе были 59-я армия, сформированная в декабре 1941 года в Сибирском военном округе, и 2-я Ударная армия, сформированная за счет стрелковых соединений резерва СВГК, прибывших из Воронежа, Ворошиловграда, Саратовской и Чкаловской областей.

Ставка пошла на проведение этой операции, учитывая тяжелейшее положение в осажденном городе. Неудача этой операции явилась следствием ряда просчетов оперативного характера: недооценки сил противника, слабого прогнозирования возможных контрдействий врага, поспешного назначения сроков начала операции и их переноса, что привело к утрате внезапности, недостаточного авиационного прикрытия и др., но никоим образом не является свидетельством нежелания Сталина деблокировать Ленинград. О намерениях Сталина свидетельствует его письмо К. А. Мерецкову в конце декабря 1941 года:

«Уважаемый Кирилл Афанасьевич! Дело, которое поручено Вам, является историческим делом освобождения Ленинграда, сами понимаете — великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменивалось на мелкие стычки, а слилось бы в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление в единый и мощный удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков».

Таким образом, «предположение» Носикова о том, что «Любанская операция имела отвлекательное значение и призвана была создать видимость принятия крупных военных усилий по освобождению Ленинграда» от блокады, является домыслом, который опровергается фактами реальной истории битвы за Ленинград.

Приведенные факты убедительно опровергают утверждения автора, что «на Ленинградский фронт не было выделено ни одной армии из резерва ставки» (с. 85). Автор, вероятно, имеет в виду период с сентября 1941 года по январь 1942 года. На самом деле в тот период под Ленинград было направлено из резерва Ставки три армии — 54, 59-я и 2-я ударная. Кроме того, как указывалось выше, значительные силы были выделены Ставкой из своего резерва для проведения Тихвинской наступательной операции. Непосредственно в Ленинград в первую блокадную зиму по Дороге жизни были переправлены с полным вооружением шесть стрелковых дивизий и танковая бригада. Автор умалчивает еще об одной попытке деблокады Ленинграда, которая была предпринята в августе — октябре 1942 года. Она вошла в историю как Синявинская наступательная операция 1942 года. Операция проводилась силами 55-й армии, Невской оперативной группы, десантами моряков Ленинградского фронта, 8-й и 2-й ударными армиями Волховского фронта при содействии сил Балтийского флота и Ладожской военной флотилии. Она преследовала цель разгромить ударную группировку немцев, созданную для очередного штурма Ленинграда (операция «Нордлихт»), и далее встречными ударами Волховского и Ленинградского фронтов разгромить мгинско-синявинскую группировку немцев и восстановить сухопутную связь со страной, то есть прорвать блокадное кольцо.

В ходе ожесточенных боев первая задача была выполнена, вторую,

к сожалению, выполнить не удалось. Сил фронтов оказалось недостаточно. А Ставка дополнительных резервов выделить не могла, так как в то время судьба войны решалась на южном крыле советско-германского фронта, под Сталинградом. Тем не менее та операция является еще одним свидетельством того, что Верховное Главнокомандование в течение 1941—1942 годов постоянно предпринимало попытки деблокады Ленинграда.

Некомпетентность В. И. Носикова проявляется при анализе и оценке итогов операции «Искра». Он критикует Ставку ВГК за то, что в ее планах на зиму 1943 года предусматривался только прорыв блокады, а не ее снятие. По мнению Носикова, «в феврале — марте 43-го года можно было освободить ленинградцев от мученической блокады...» (с. 87). На наш взгляд, этот вывод автора базируется на следующих ошибочных оценках: во-первых, это недооценка ожесточенности боевых действий при прорыве блокады. В статье отмечается, что «несмотря на сравнительно небольшие силы, войска Волховского и Ленинградского фронтов... сумели всего за семь суток боев пробить коридор в уже мощно укрепленном за прошедший год блокадном кольце и установить сухопутную связь с городом, и немцы не смогли этому воспрепятствовать» (с. 88). Это легковесное суждение имеет целью подвести читателя к выводу, что не такой уж сложной была задача ликвидации блокады. Но это не соответствует действительности. Мгинско-синявинский выступ был превращен противником в глубоко эшелонированный укрепленный район. Его обороняли пять немецких дивизий, четыре дивизии противник имел в оперативном резерве. Замысел операции был определен в директиве Ставки ВГК от 8 декабря 1942 года. Он предусматривал встречными ударами войск Волховского и Ленинградского фронтов разгромить шлиссельбургско-синявинскую группировку немцев, к исходу января 1943 года закрепиться на линии р. Мойки, пос. Михайловский, Тортолово, тем самым обеспечить коммуникации Ленинградского фронта, а в первой половине февраля провести операцию по разгрому противника в районе Мги и по очищению Кировской железной дороги. Для проведения операции были выделены три полнокровные общевойсковые армии, усиленные за счет резервов и перегруппировки сил фронтов. В декабре для

усиления Волховского фронта из резерва ставки прибыли пять стрелковых дивизий, одна инженерно-саперная бригада, три лыжные бригады, четыре аэросанных батальона, были вновь сформированы четыре зенитные артиллерийские дивизии, 10 минометных полков, два полка реактивной артиллерии. Операцию обеспечивали 13-я и 14-я воздушные армии, авиация и артиллерия Балтийского флота и Ладжской военной флотилии, авиация дальнего действия. На Ленинградском фронте для проведения операции была сформирована 67-я армия. В результате советские войска превосходили противника по пехоте в 4,5 раза, по артиллерии — более чем в 6 раз, по танкам — в 10 раз, по самолетам — в 2 раза¹⁷. Это не небольшие силы! Мы видим, что для обеспечения прорыва блокады были привлечены значительные силы, причем ударные группировки были усилены за счет резервов Ставки.

Действительно, пробить брешь в блокадном кольце 67-й армии Ленинградского фронта и 2-й ударной армии Волховского фронта удалось за семь суток, с 12 по 18 января 1943 года, но это были семь суток ожесточенных кровопролитных боев, продолжавшихся днем и ночью. Но на этом операция «Искра» не завершилась. С 18 по 30 января 67-я и 2-я армии пытались наступать на юг, чтобы выйти на рубеж реки Мойки и расширить тем самым коридор прорыва до 18 км. Но этого сделать не удалось. Противник с 19 по 30 января подтянул в район боевых действий пять свежих дивизий, в том числе одну танковую, большое количество артиллерии. 30 января 2-я ударная армия и 67-я армия вынуждены были перейти к жесткой обороне. Попытка возобновить наступление с целью расширения коридора в феврале 1943 года тоже к существенным результатам не привела. Тем не менее прорыв блокады для ленинградцев имел огромное значение, о чем автор статьи пишет с большой долей скептицизма. А ведь в результате восстановления сухопутной коммуникации Ленинграда со страной ленинградцы с 22 февраля 1943 года стали снабжаться продовольствием по общесоюзным нормам.

Не основано на всестороннем анализе реальной обстановки мнение автора о том, что Ставка без ущерба для общей военной ситуации могла после завершения Сталинградской битвы перебросить войска Донского фронта под Ленинград, а не в район

северо-западнее Курска. Автор правильно отмечает, что к февралю была освобождена большая часть Воронежской и Курской областей, 8 февраля войска Воронежского фронта освободили Курск, а 16 февраля — Харьков. Но он умалчивает о том, что борьба за стратегическую инициативу на этом не закончилась. 19 февраля 1943 года противник нанес мощный контрудар по ослабленным в боях войскам юго-западного фронта, вынудив его к отступлению. 4 марта 4-я танковая армия немцев нанесла удар по левому крылу Воронежского фронта. 16 марта 1943 года немцы вновь захватили Харьков, а 18 марта — Белгород. Войска Центрального (ранее — Донского) фронта вынуждены были принять участие в боях, чтобы стабилизировать обстановку на этом участке фронта. В дальнейшем войска Центрального фронта сыграли решающую роль в Курской битве.

Все это свидетельствует о том, что утверждение Носикова: «...операцию по снятию блокады Ленинграда можно было провести значительно раньше, без особого ущерба для других фронтов» (с. 88) не подтверждается фактами реальной истории.

Нельзя согласиться и с таким мнением автора: «Весь 1943 год наши войска вели успешные наступательные действия... войска уже приближались к нашим западным границам, уже целых два Прибалтийских фронта продвигались к Прибалтике... Только линия фронта, блокирующая Ленинград, все еще оставалась на первоначальном месте» (с. 87). Здесь что ни предложение, то натяжка. Во-первых, в феврале—марте 1943 года, как уже отмечалось, советские войска вынуждены были не только обороняться, но и отступать, а с 5 по 12 июля — провести стратегическую оборонительную операцию на Курском выступе. Во-вторых, утверждение автора о том, что в 1943 году наши войска уже приближались к западным границам СССР, не соответствует действительности. Носиков явно перепутал 1943 с 1944 годом. Не соответствует исторической правде и утверждение, что в 1943 году два Прибалтийских фронта уже продвигались к Прибалтике. 1-й и 2-й Прибалтийские фронты были созданы 20 октября 1943 года. В ноябре, когда уже шла подготовка операции по ликвидации блокады Ленинграда, они участвовали в наступлении на витебско-полоцком направлении. 2-й Прибалтийский

фронт в январе—феврале 1944 года участвовал в Ленинградско-Новгородской операции, то есть в операции по ликвидации блокады. И только в конце лета 1944 года они действительно приблизились к Прибалтике.

В-четвертых, ошибочно большинство суждений автора, так или иначе связанных с проблемой блокады Ленинграда. Например, свидетельством его некомпетентности стало заявление, что «даже по прошествии 50 лет, никаких потуг (!) для установления истинного количества погибших от блокады не предпринимается» (с. 89). Мягко говоря, это читать просто странно. Еще в 1965 году В. М. Ковальчук и Г. Л. Соболев пришли к выводу, не считая его окончательным, что в Ленинграде в период блокады от голода умерло не менее 800 000 человек¹⁸. Эта цифра была приведена в пятом томе «Очерков истории Ленинграда»¹⁹. Ее счел обоснованной Г. К. Жуков в статье «Величие победы СССР и бессилие фальсификаторов истории»²⁰, в которой он приводит цифру 800 000 человек.

В конце 90-х годов прошлого века — начале XXI века вышли работы В. М. Ковальчука, М. И. Фролова, С. Б. Бизева, А. Р. Дзенискевича²¹, всесторонне рассматривающих проблему смертности в блокированном Ленинграде. Эта тема неоднократно обсуждалась на многих научных конференциях по проблемам битвы за Ленинград, блокады. По их материалам изданы сборники статей. Обратим внимание читателей на одно обстоятельство. В вышедших в последнее время работах историков, основанных на методологии анализа движения населения города, на данных домовых книг и социологических исследований, анализе материалов Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, ранее не опубликованных документов, все чаще число погибших от голода в городе определяется в пределах 700 000—800 000, а не в 1,5–2 млн. человек. Бесспорно, авторы не претендуют на совершенно точное установление числа жертв голодной блокады. Это сделать практически невозможно, вопреки мнению Носикова, что установление такой цифры «не могло вызвать особых затруднений» (с. 89). Только комплексное рассмотрение потерь среди населения области, оказавшегося в осажденном городе, публикации данных о числе военнослужащих,

умерших в госпиталях Ленинграда и захороненных в его земле, позволят в полной мере осветить трагедию населения осажденного Ленинграда. Отметим лишь, что пока в электронном банке данных число занесенных фамилий людей, умерших в период блокады, меньше указанных в этой статье.

Совершенно некорректно, на наш взгляд, сравнение числа погибших жителей города и погибших военнослужащих. Только в боях на дальних и ближних северных и юго-западных подступах к Ленинграду, в Тихвинской наступательной операции, при прорыве и снятии блокады Ленинграда советские войска потеряли не менее 960 000 человек, в том числе около 410 000 убитыми. А ведь были еще четыре попытки прорыва блокады Ленинграда, Тихвинская оборонительная операция, потери наших войск, находившихся в кольце блокады. Кстати, среди потерь почти 20% — тоже умершие от голода. Дорогой ценой заплатили советские войска за окончательную победу под Ленинградом.

К сожалению, почти каждый пункт статьи Носикова содержит либо фактические неточности (не 8-я, а 18-я немецкая армия осадила Ленинград), либо ошибочные суждения. Поэтому хотелось бы посоветовать автору, прежде чем формулировать оценки и выводы по крупным проблемам исторической науки, знакомиться с опубликованными работами ученых-профессионалов, а еще лучше — с архивными документами. Иначе дилетантизм неизбежен.

Каждый ищущий истину в историческом прошлом нашего государства, безусловно, имеет полное право на свою точку зрения. Никто не может претендовать на абсолютную истину, чего не делаем и мы. Вряд ли мы взяли бы за перо, если бы имели дело лишь с высказываниями человека, делающего выводы на основе своего понимания прочитанного. Написать статью нас побудило иное. Сообщению В. И. Носикова предшествует своего рода представление — он один

из победителей конкурса «Я пишу о Петербурге». Тем самым как бы дается аванс на научность его изысканий. Мы не берем под сомнение компетентность комиссии, подводившей итоги конкурса, выскажем лишь одно пожелание. Когда речь идет не просто о какой-то новой находке, не просто о новом видении тех или иных граней или сторон события, а о суждениях по коренным фундаментальным проблемам, к тому же заведомо политизированным, то не мешало бы провести экспертизу, привлекая ученых-историков, работающих в вузах и НИИ города. Что касается битвы за Ленинград, то в Петербурге есть такие общественные научные организации, как Академия военно-исторических наук, Ассоциация историков блокады и битвы за Ленинград, объединяющие известных не только в нашей стране исследователей этой проблемы. Их помощь помогла бы, на наш взгляд, дать более точную оценку работы В. И. Носикова.

¹ Носиков В. И. ... Была ли необходимой продолжительность блокады в 900 дней // История Петербурга. 2002. № 5 (9). С. 85.

² Носиков В. И. Указ. соч. С. 86.

³ Там же. С. 89.

⁴ Соболев Г. Л. Собирались ли Сталин сдавать Ленинград // Ленингр. панорама. 1991. № 6; Ленинград в борьбе месяц за месяцем. 1941–1944. СПб., 1994; Дзенискевич А. Р. Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб., 1998; Блокада рассекреченная / Сост. В. Демидов. СПб., 1995; Фролов М. И. Адольф Гитлер: «Ядовитое гнездо Петербург... должен исчезнуть с лица земли» // Воен.-ист. журн. 2001. № 9 и др.

⁵ Носиков В. И. Указ. соч. С. 88.

⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1979. Т. 1. С. 350.

⁷ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 2. С. 207, 217.

⁸ Сувениров О. Ф. Поклонимся и мертвым и живым // Воен.-ист. журн. 1994. № 1. С. 2–3.

⁹ История Ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1971. С. 216.

¹⁰ Цит. по: Ленинград в борьбе месяц за месяцем. С. 35, 38.

¹¹ См. подробнее: Соболев Г. Л. Указ. соч.

¹² Жуков Г. К. Указ. соч. М., 1990. Т. 2. С. 162.

¹³ Там же. С. 162–163.

¹⁴ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. М., 1959. С. 127.

¹⁵ Барбашин И. П. и др. Битва за Ленинград. М., 1964. С. 103.

¹⁶ Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001. С. 151–152.

¹⁷ Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 6. С. 574.

¹⁸ Ковальчук В. М., Соболев Г. Л. Ленинградский «реквием» (о жертвах населения Ленинграда в годы войны и блокады) // Вопр. истории. 1965. № 12. С. 191–197.

¹⁹ Очерки истории Ленинграда. Л., 1967. Т. 5. С. 692.

²⁰ Коммунист. 1970. № 1.

²¹ Ковальчук В. М. Трагические цифры блокады // Россия в XIX–XX вв.: Сб. статей к 70-летию Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998; Фролов М. И. В блокадном Ленинграде умереть должны были все // Воен.-ист. журн. 2000. № 6; его же. К вопросу о числе погибших в блокаде: (По материалам домовых книг) // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001; Бизев С. Б. Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941–1944: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001; Дзенискевич А. Р. Блокада и политика. СПб., 1998 и др.